

ANDREW SHUTKIN

BRAYD

Андрей Житенёв

Брачо

«Издательские решения»

Житенёв А. П.

Брачо / А. П. Житенёв — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-836769-4

Книга-«броманс». История двух бро, их дружбы, проходящей различные испытания — временем, деньгами, женщинами, — и своего рода срез современного общества. Книга светлая, весёлая и искренняя, что в современной литературе — явление редкое. Откровений в книге искать не стоит, она не про это, а вот чистого удовольствия — хоть отбавляй. На мой взгляд (небеспристрастный), получилась интересная книга для младшего взрослого возраста. Читайте на здоровье!

ISBN 978-5-44-836769-4

© Житенёв А. П.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Скатертью дорога	7
Брачо	11
Сволота	15
Изгоняющий дьявола	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Брачо

Андрей Павлович Житенёв

© Андрей Павлович Житенёв, 2017

ISBN 978-5-4483-6769-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Брачо – неологизм, образованный в хип-хоп среде для обозначения друга. По смыслу близко к понятиям «братан», «брателло», «братюня», «братишка» (только менее приклатненное) и «бро» (только менее чернокожее).

В этом тексте использовано в качестве имени собственного, ибо Брачо – образ собирательный, хотя и срисован с совершенно конкретного человека.

Специально для М.: ЗДЕСЬ ВСЕ ЛОЖЬ!

Скатертью дорога

«Письменная речь без пунктуации похожа на диарею. Так же мучительно и невыносимо».

Примерно такие мысли возникли у меня после прочтения письма, упавшего мне на почту. Я откинулся на кресле, закрыл глаза, пальцами левой руки помассировал их, правой бессмысленно покрутил колесико мышки туда-сюда, пытаюсь структурировать словесный понос, обрушившийся на меня из письма. Дело осложнялось тем, что письмо было рабочее, а соответственно, его нужно было осмыслить, а впоследствии еще и родить на него ответ.

– Чего сидим в позе уставшего пролетария, инвалида умственного труда? – мою пятисекундную медитацию нарушил голос начальника – человека требовательного, но не лишённого чувства юмора, что облегчало работу.

– Да тут один партнер буквами обосрался – пытаюсь понять, что ему нужно.

Начальник обошел мой компьютер и заглянул в монитор. Семантически не идентифицируемая лепешка покоилась на глади жидких кристаллов моего монитора. Патрон, шевеля губами и вполголоса проговаривая слова, прочел письмо.

– Блин, и ведь этим людям платят зарплату. Сука, я чуть не ослеп, пока пытался понять письмо. Что ему надо, а?

– Похоже, они предлагают партнерскую программу, правда непонятно, на каких условиях.

– Ну, сооруди им какой-нибудь ответ, хотя, думаю, что нам такие партнеры не нужны – только мозг вынесут. А письмо кинь мне на почту – я его как образчик стиля сохраню.

Мой начальник – Леха (Алексей Петрович – если официально) – представлял собой довольно интересный типаж. Бизнесмен от бога, если такое возможно. Он умел считать деньги, умел просчитывать риски, при этом деньги не были для него самоцелью. Да, конечно, он прикладывал все усилия к тому, чтобы наша небольшая компания получала прибыль, но при этом не рвал себя на ленточки для бескозырок, пытаюсь удержать или заполучить клиента. Если клиент был занудным и не вызывал стойкой уверенности в платежеспособности, Леха вполне мог прекратить с ним отношения самым недипломатичным способом. Наверное, в этом и состоял его бизнес-гений – он чувствовал по клиенту, будет прибыль или нет. Не уважать его за это было нельзя.

Опять же, повторяю, он был не лишен самоиронии и понимания, что всегда позволяло выполнять работу, не надрываясь.

Еще одним человеком в офисе была дизайнерша Ирэн. Милая молодая девушка из одного из бесчисленных городов нашей необъятной Родины. Рисовала она красиво и бодро. По крайней мере, я так считал. К тому же если Леха ее ценил, а клиенты были довольны, значит, она действительно справлялась с возложенными на нее обязанностями. Девушка она была импульсивная и немного с причудами. Я ее нежно называл NPC, ибо она имела привычку, говоря с тобой, вести себя неадекватно, смотря мимо тебя, обращаясь к стене, точь-в-точь как неигровые персонажи компьютерных игр. Но, в целом, это не портило ее, а даже придавало ей некоторого шарма.

Все вместе мы составляли крайне скромное, но амбициозное рекламное агентство. Несколько лет назад мой приятель Леха, послав своего начальника в труднодоступное место, решил организовать собственный бизнес. В торговлю его не тянуло, свое он в этой сфере успешно отработал, торгуя пиратскими дисками на «Горбушке», в IT-технологии тоже, однако он обнаружил в себе склонность к рекламе. Поколулавшись пару месяцев, Леха созвонился со мной и предложил стать соучредителем его фирмы, а по совместительству еще и копирайтером. Все, что требовалось от меня, это подписать несколько бумажек. Благодаря Лехиным родителям участвовать в формировании уставного капитала не требовалось.

Первые несколько месяцев мы сидели в маленькой комнатке, снятой нами под офис, смотрели друг на друга мутными глазами и не понимали, как нам вести бизнес дальше. Крупные клиенты к нам, понятно, не шли, а мелкие жадничали и рисовали рекламу собственными силами. Короче, над нашим предприятием повисла здоровенная такая жопа. Неожиданный звонок послужил толчком нашего постепенного восхождения. Лехе позвонил один знакомый, услышавший от кого-то, что Леха де теперь занимается рекламой, и попросил об услуге. За деньги, разумеется. В спешном порядке была найдена Ирэн и работа пошла. Ирэн между делом подтянула несколько своих старых клиентов, с которыми работала на удаленке. И таким образом, мало-помалу, мы убрали с небосклона жопу и повесили там солнышко.

Судя по тому, что несколько лет мы держались на плаву, имея баланс в плюсе и выдавая качественный продукт, дела у нас шли неплохо.

Зазвонил мобильный. На дисплее высветилось «Брачо». Я взял трубку.

– Здорово!

– Да здоровей видали, – бодро отрапортовал он. – Как там на мрачных пажитях копирайтинга?

– Да уж лучше, чем у тебя, ублюдок.

– А вот и ни хрена, – ответил он с интонацией, с какой обычно спорят дети.

– Неужели тебя все-таки купили на органы? И не ври мне, Джолити тебя не усыновит, даже если ты будешь успешно демонстрировать сосательный рефлекс.

– Да нужна она мне. Я нашел квартиру.

– Наконец ты свалишь от меня.

Мы с Брачо жили у меня. Точнее, он жил у меня, я просто жил. Случилось это так, что на излете зимы я, осваивая коньки, сломал себе ногу. На катке мы были с Брачо, его девушкой и ее подружкой. Подруга была из разряда биоаксессуаров, что любая симпатичная девушка заводит себе для того, чтобы выгодно смотреться на ее фоне. Мое триумфальное падение привело к тому, что девчонки на такси были отправлены домой, а мы с Брачо поехали в больницу, откуда он отвез меня домой, попутно затарив меня кучей продуктов с длительным сроком хранения.

Спустя пару дней, когда я постепенно начал терять человеческий облик – вонять и покрываться катышками, раздался звонок в дверь.

На пороге стоял Брачо, только вместо пакета с продуктами, который я хотел бы увидеть, я узрел небольшой чемодан и спортивную сумку, на манер хоккейной.

– Привет, серая шейка, – весело заорал он с порога и бесцеремонно вошел внутрь.

– Ты мне тушенки привез, что ли?

– Лучше! – засиял он. – Я привез тебе себя!

– Оп-оп-оп. Поясни?

– Да я с этой кралей своей поссорился, а жил-то я у нее. Куда ж мне податься?

И он начал плаксиво исполнять репертуар попрошайек из метро, извинялся, что обращается ко мне, такой молодой, и все в таком духе.

– Если бы не мое бедственное положение, когда поход по малой нужде превращается в путешествие Афанасия Никитина...

– Да знаю я, знаю, сколько в тебе христианской добродетели. Но поскольку сломал ты не кость, – он залихватски стукнул меня по гипсу, – а сургуч на своем сердце, я этим воспользуюсь. К тому же я припер с собой кучу ништяков.

– Если ты о своем нижнем белье, то, прости, не интересуюсь. И да, мои вещи трогать не смей, даже если я умру.

– Больно надо, – сказал он, залезая в сумку.

Оттуда он вынырнул, сияя, как солнце, с джойстиком в руке.

– Приставка! И куча игр!

– Йоу, Брачо, живем.

Так и началось наше совместное житье. Утром Брачо уходил на работу, а я, постепенно тупея, смотрел телевизор, изредка готовя нехитрый харч. Вечерами Брачо возвращался с пивасом или чем-то поперспективнее, и мы до ночи рубились в приставку, пугая соседей жуткими проклятьями в адрес друг друга.

Когда гипс мне сняли, необходимость в постоянном присутствии Брачо отпала, но выгнать друга было крайним западлом, а потому он остался жить у меня. Тем более что умение готовить и чистоплотность, которые ему привили в военном училище, счастливо избавляли меня от ряда домашних обязанностей, которыми ранее я манкировал вплоть до тех пор, пока беспорядок в квартире не начинал действовать мне на нервы.

Ну а теперь он, значит, съезжал.

– Ну и где хата?

– На речном.

Я присвистнул.

– Далековато, не?

– Мне до работы ближе ехать, – ответил Брачо.

Мы никогда не обсуждали его присутствие в моей квартире, и я никогда даже намеком не касался этой темы, но если он нашел квартиру, значит, возможно, где-то я его натолкнул на эту мысль.

– А ты чего вдруг?

– Да я тут с одной бамбиной мучу потихоньку. Ее бы надо домой привести, а у нее аллергия на домашних животных.

– Так у нас и нет домашних животных, – напомнил ему я.

– Речь о тебе, – захохотал в трубку Брачо. – Посуди сам, привожу я ее, тудым-судым, проходите-присаживайтесь, вот здесь у нас ликеры заморские, здесь – музыка романтическая, а тут чувак, у которого я живу и который в минуты нашего нежного соития прогуляется по району. Это ж не просто декаданс, это нищесбродство какое-то. Несолидно...

– Понятно все с тобой. Когда ты сваливаешь?

– Наверное, сегодня.

– Тебе помочь с переездом?

– Хы! Ты про две сумки?

– Дождись меня. Провожу тебя по-человечески.

Вполне предсказуем был факт, что Брачо никуда в тот день не уедет, ибо мы, начав проводы пивком в шесть вечера, закончили их водкой в три ночи. По ходу пьесы мы играли в приставку, вспоминали самые яркие моменты совместного быта, пели песню «кота и пирата» из двусмысленной сказочки. Сначала он был пиратом, а я, соответственно, котом. Потом мы поменялись партиями. А следом исполнили ее тупо хором. Далее наряд милиции, вызванный соседями, объяснил нам, что, несмотря на детский репертуар нашего сводного хора, целевая аудитория уже давно спит, плюс манера нашего исполнения может напугать даже самых крепких в психическом плане детишек. Мы пообещали утихомириться.

Утром (в начале двенадцатого) мы проснулись и провели вялое состязание, кому первому идти в душ. Можно было устроить гонки на выживание по коридору или матч по армрестлингу, но сил хватило исключительно на то, чтобы скинуться на «камано-магано». Я выиграл, без особого воодушевления, и отправился полоскать тело свое изможденное в муниципальном источнике водоснабжения.

После того как мы закончили водные процедуры, мы молчаливо покидали вещи Брачо в сумки, и отправились к метро, по пути купив в «макдачке» кофе и пожевать чего-то.

Придя на работу, я, воспользовавшись Лехиным отсутствием, положил голову на стол и ожесточенно уснул, отправив лесом безграмотных клиентов, симпатичную Ирэн и какую-либо этику поведения на рабочем месте.

Брачо

Каждый человек в нашей жизни неслучаен. Кто-то появляется на пути на короткий срок, чтобы преподать какой-то жизненный урок, чья-то миссия исчисляется несколькими годами. Брачо в моей жизни был зеркалом, дополнением меня, примером для подражания и примером того, кем быть нельзя одновременно.

История нашей с Брачо дружбы – это корявый, причудливый, но искренний рисунок на исчерканном листе истории человеческих судеб. Этакая детская каракуля, которую не назовешь произведением искусства, но и не сможешь не умилиться, глядя на нее.

Мы познакомились на одной из моих бесконечных работ. Брачо был одним из тех, кому было поручено вводить меня в курс дела: показывать «кухню», объяснять, помогать, предостерегать.

Первое впечатление он произвел не самое приятное. Блондин, в клетчатой рубашке с коротким рукавом, стрижкой под горшок, с быстрыми руками и острыми глазами; он смерил меня взглядом после того, как меня ему вверили, и сказал:

– Ты мне не нравишься. И нет ни одной веской причины, по которой я бы нравился тебе. Я тебе объясняю, ты слушаешь и вдупляешь, понял?

– Да ты хоть хер на пятаки строгай, мне сказано учиться у тебя. А чему научишь, за то и будешь отвечать перед начальством, – огрызнулся я.

Он, отвлекшись было на пришедшую СМС, внезапно застыл на месте, как будто прислушиваясь, не звал ли его кто-то, медленно повернулся ко мне и радостно сообщил, протягивая пятерню:

– Я соврал. Ты мне не «не нравишься». Я тебя ненавижу. Добро пожаловать в команду.

С одной стороны, он был лишен приличествующего такта, с другой – в нем не было сектантской дружелюбности, с которой обычно впаривается какой-нибудь буклет с заголовком «Покайтесь! Ибо грядет!».

Его же жизнерадостный цинизм, не знавший, похоже, никаких границ и табу, наоборот располагал к нему. Но, как мне казалось, не всех. В коллективе его откровенно недолюбливали. За откровенность, за остроумие и неумение останавливаться в первом и втором. Меня же, наоборот, обретение подобного знакомства радовало безмерно. Так уж в моей жизни складывалось, что окружавшие меня люди читали либо мало, либо не то, имели другое чувство юмора, другое мировоззрение. К сожалению, до выпуска из школы человеку сложно найти себе подходящую компанию. Брачо был персонажем, в котором я узнал себя: гипертрофированнее, опытнее, злее, эрудированнее. Он представлял собой квинтэссенцию всего того, к чему я стремился. Во мне же он, скорее всего, видел потерянного себя. В чем-то наивного, в чем-то застенчивого, но с таким же быстрым и острым умом.

Наша дружба была лишена менторства, навязывания друг другу ценностей и мыслей, хотя и в том, и в другом мы, в итоге, приходили к общему знаменателю. Такой, какой в моем идеальном представлении она и должна быть.

Мы могли костерить друг друга последними словами, зная, что ни один из нас не обидится. Мы могли разжигать и оскорблять друг друга по национальным, социальным, возрастным, религиозным признакам. Максимум, чем это могло закончиться – легкой зуботычиной или пинком под зад. Но, как правило, заканчивалось все громким ржачем.

Брачо представлял собой смесь Дона Кихота и Мэкки-Ножа. В его поступках читалось благородство, в его манерах крылась солдафонщина и эхо московских подворотен. На этом контрасте несовместимых качеств рождался тот шарм, которым он сражал женщин и приводил в неистовство мужчин. Острый язык, ювелирное владение семантическими тонкостями языка, а также физическая сила позволяли ему проводить словесные спарринги с соперником любой

весовой категории. А если требовалось, то и присунуть в бубен. Приходилось ли вам видеть, как люди, минуту назад с легкостью цитировавшие немецких романтиков, с воодушевлением отбивают кому-либо ливер? Если бы не Брачо, мне тоже не посчастливилось бы. При этом дети не чаяли в нем души, домашние животные приносили ему тапочки, а растения колосились под его чутким руководством буйным цветом.

Самое интересное, да так, наверное, это и бывает зачастую, наша дружба началась после одного интересного поворота судьбы, если угодно, испытания. Мы неплохо общались поначалу: на работе, иногда пивко после; однако это не было дружбой. А Брачо тогда не был Брачо.

Потом он уволился. И хотя у нас остались контакты и мы даже пару раз созванивались, в какой-то момент связь прервалась: он сменил номер, место работы – найти его не представлялось возможным, а идти на передачу «Жди меня» я был не готов. В этот момент ко мне пришло понимание, что моя жизнь лишилась очень важной составляющей. Что этот неприятный в своей прямолинейности человек это тот самый друг, которого у меня никогда не было до. Приятели, знакомые, товарищи – но не друзья. Только утратив этого человека с радаров, я осознал, что вот она, дружба.

Когда из-под носа уплывал последний кусок пиццы (твоей пиццы) со словами, что ты и так жирный, а на завтра тебе приносились офигенные домашние котлеты в качестве извинения. Когда последняя сигарета отдавалась без разговоров, а потом мы вместе таскали бычки из офисной пепельницы. Когда ночная смена делилась пополам по-братски – пока один постным лицом разгонял волны эфирные, второй дрых в комнате отдыха, в половине третьего менялись. Когда появлялись общие шутки, объяснять которые посторонним – бесполезно. Всего этого я лишился без него. Остальные коллеги были людьми несомненных достоинств, однако той степени доверия, которая у нас была с этим странным человеком, я не смог достичь ни с одним из них.

Порой, когда речь заходила о друзьях, некоторые интересовались, почему я не называю друзьями тех, с кем плотно и приятно общаюсь. Я не мог объяснить. Действительно, при всех формальных признаках дружбы моему общению с этими людьми не хватало чего-то такого, что объединяло нас с Брачо.

Нашелся он, впрочем, не менее занятно. Одна коллега как-то встретила его на улице, о чем незамедлительно сообщила мне. Узнав, чем этот пес в данный момент зарабатывает на жизнь (а зарабатывал он, работая оптовым менеджером в каком-то шмоточном конгломерате), я стал пытаться «Яндекс» его фамилией в сочетании с фразой «продам – куплю – продам втридорога». И самое интересное, что нашел. Нашел телефон его фирмы, куда я незамедлительно отзвонился:

- Скажите, могу я услышать менеджера по фамилии...
- Вы знаете, его сейчас нет. Что ему передать?
- Передайте ему, что звонил его ублюдочный сиамский брат, – сказал я, остолбеневшей от подобного, секретарше и оставил свой номер телефона.
- Что, псина, соскучился, падел? – услышал я на следующий день из телефонной трубки.
- Сука, – ответил я. – Куда ты пропал, не оставив концов?

В тот же вечер мы сидели в пабе на Новом Арбате, пили темное, с густой похожей на суфле пеной пиво и делились событиями, произошедшими за те три года, что мы не общались. Брачо в красках описывал смену мест работы, вскакивал с места, прохаживался, орал, показывал в лицах, а я, глядя на этот театр одного актера, по которому, честно говоря, соскучился, от души смеялся до тех пор, пока не свело скулы. Приятно было чувствовать, что за несколько лет он ничуть не изменился, оставшись точно таким же. Ведь порой приходится ловить себя на неприятной мысли, что тебе некомфортно общаться с человеком. Скучно, неинтересно и душно в его обществе – хочется сослаться на локальный апокалипсис и покинуть его. Хотя бы даже через окно. Брачо же был тем человеком, в чьем обществе было комфортно.

Даже если бы у меня в голове торчал гвоздь, в его компании это досадное недоразумение не сильно бы тревожило.

Вечер мы продолжили в караоке, где за соседним столиком сидели два грузных молодых человека в компании визгливых батонистых теток. Один из них, прозванный нами Говорящей Жопой – за невразумительную дикцию – постоянно рвался к микрофону, исполняя песни – одна пошлее другой.

Когда в очередной раз Жопа исполнила что-то вроде «Ах, какая женщина», я, уставший от созерцания его бесформенной фигуры с потным – в три складки – коротко стриженным затылком, неуместной на колхозном лице эспаньолкой и какой-то сифилитичной моторикой, решил, что пора разбавить этот вечер.

Я подошел к столику с песенным меню, выбрал The House of the Rising Sun и поднялся на эстраду. При первых аккордах Брачо сложил из пальцев «козу» и начал мотать головой так, будто на ней были длинные волосы, хотя их там никогда не было. Куркули за столиком по соседству загомонили, но я уже впал в экстаз и самозабвенно исполнял песню о проститутках из Нового Орлеана.

Внезапно я ощутил отсутствие чего-то очень важного в этом перформансе. Буквально секунда, и я понял, что музыка прекратилась. На сцену карабкалась, сотрясая жирами, «говорящая жопа», бубня параллельно в микрофон что-то про волосатую пидорасню. Визгливые тетки свиноподобно перешли на ультразвук, поддерживая своего кавалера. Я не стал ввязываться в конфликт, просто подходя мимо Жопы, которая, судя по экранам в баре собиралась спеть очередную кабацкую пошлятину, сильно толкнул его плечом.

Я сел за стол.

– Андрэ, вы бесподобны, – приободрил меня Брачо.

– Я это и без тебя знаю...

– Кайфуем... – взвыла Жопа.

Брачо вдруг улыбнулся и сказал, что ему надо отойти. Я остался за столиком один, размышляя о том, как приятно все же, что мы нашлись с Брачо. Говорящая Жопа слез со сцены и присоединился к своему мерзотному кагалу. Экраны с текстом погасли, и на сцене появился Брачо. Зная о том, что петь в караоке он не умеет и не любит, я сразу смекнул, что сейчас начнется представление. Я тут же подозвал официантку – милую девчущку лет 18 – взглянул мельком на бейджик, вложил ей в ладошку 500 рублей и, глядя прямо в глаза, прошептал:

– Катечка, счет. Быстро!

Боже, благослови понятливых официантов, которые знают, что тебе нужно и когда, и которые не мешкают со счетом, когда у тебя земля горит под ногами!

Брачо меж тем предварял свое выступление небольшим концерансом:

– Специально для наших друзей, венецианских извозчиков, звучит следующая песня.

Пошли вступительные аккорды, после которых Брачо немзыкально затрубил:

– Слышал я одну легенду. О двух братьях пересказ.

Я в этот момент прыснул пивом, покрыв дисперсией весь стол.

– Голубая луна всему виной, – «пел» Брачо, поводя рукой в сторону притихшей компании Говорящей Жопы.

Официантка Катя, не отрывая взгляда от творившего магию прилюдного унижения Брачо, подала мне счет. Я сунул в маленькую папочку гораздо больше денег, чем счет предполагал – все же Катя молодец и достойна щедрых чаевых – сгреб в охапку наши вещи, жестом показал Брачо, куда мы будем отступать, и потихоньку двинулся на выход. Брачо, поняв мой маневр, стал также аккуратно в танце самоустраняться.

– Голубая луна! ЛУНАААА... – последнее, что он спел в микрофон, перед тем как всучить его кому-то у выхода и броситься вслед за мной вниз по ступенькам. Говорящая Жопа

и его визави бросились, несмотря на свою неспортивную комплекцию, за нами с совершенно ясной целью.

Уже на улице Брачо обогнал меня и бросился к проезжей части. Вскинув руку, он тормознул первую попавшуюся машину и без разговоров прыгнул в нее на переднее сидение. Я подоспел спустя секунд пять, стал открывать заднюю, но она оказалась заперта, Брачо с водителем, мешая друг другу, стали ее отпирать, а сзади уже догонял оскорбленный в лучших чувствах быдлан. Когда дверь открылась, я уже слышал его халитозную одышку у себя за спиной, а Брачо крикнул водителю, чтобы тот гнал. Я, успев засунуть в машину только одну ногу и кое-как уцепившись одной рукой за дверь, другой – за подголовник переднего сидения, неуклюже запрыгал на той ноге, что осталась снаружи, вслед за отъезжающей машиной. Брачо, полностью открыв свое окно и до половины высунувшись оттуда, хлопал ладонью по двери машины и орал мне:

– Давай, гроза пяти морей, беги, шевели культей. Тортуга будет гордиться своим славным героем, лопни моя селезенка!

Метров через триста, которые мне показались не меньше марафонской дистанции, я все-таки сумел запрыгнуть в машину и захлопнуть за собой дверцу. Пульс гулко отдавался в ушах, дыхание сбилось – я упал на заднее сидение, застеленное обрезком ковра.

Водитель смотрел на нас со смесью ужаса и интереса: «Кого я посадил и что они натворили, что так смеются!»

Я посмотрел назад, преследователи пытались тоже словить машину, но безуспешно.

– Брачо, а что за венецианские извозчики? – спросил я, отдышавшись.

– Так гондольеры же, Андрэ! – улыбнулся мне с переднего он.

Мы вышли у Храма Христа Спасителя, сунув бомбиле сотку, поднялись на пешеходный мостик и долго стояли, глядя вниз на проплывающие речные трамвайчики.

С тех самых пор мы навсегда прописали свои координаты на радарх друг друга. С того дня мы могли месяцами не связываться, зная при этом, как и что происходит с другим.

В целом, тот злополучный день на катке был одной из наших редких вылазок, полной веселья и приключений, однако закончившейся не совсем удачно.

Сволота

Вам никогда не приходило в голову, как воспитанные мальчики из приличных семей порой становятся отборными ублюдками и сволотой?

Происходит это так: до определенного возраста таким, как мы с Брачо, усиленно капают на мозг родители и школа, что де надо исполнять заповеди и придерживаться правил социума. Стандартный набор: не убий, не укради, не ковыряй в носу, нож – в правой, вилка – в левой, красный – стой, желтый – жди, на зеленый свет иди и прочие «стойте справа», «проходите слева лицом по направлению движения». И мы исполняем все эти предписания. Придерживаем дверь после себя в метро, подаем дамам руку при выходе из транспорта, переводим старушек через дорогу – этикие великовозрастные тимуровцы, гордость нации, всем детишкам пример. И вроде бы все хорошо, но в какой-то момент каждый приличный мальчик начинает замечать, что его положительный образ резко отрицательно сказывается на его сексуальной жизни. Конечно, он добивается тактильного контакта, когда подает даме руку, или достаивается улыбки, уступая место, но в наш циничный век лодыжкой никого не возбудишь. Мальчику хочется сексу (а кому его не хочется, говоря откровенно, все наши поступки продиктованы сексом и голодом), но все девочки предпочитают ему каких-то упырей с траурным маникюром и замашками извозчика. И тут воспитанный мальчик понимает, что где-то его очень жестко кинули через известный орган. Мальчик штудирует литературу, но там все такие правильные, за то, чтобы девушка подарила свой сопливчик, драконов сражали, а тут вот буквально на его глазах горилла в трениках облапала его Дульсиною и, победно ухая, утащила в свою пещеру. Нестыковочка-с.

Именно поэтому такие экземпляры, как Брачо или я, крайне нравились мамам девушек, тогда как девушки вздыхали по джазменам и прочей алкашне. Я нравился мамам еще и потому, что был похож на секс-символ их юности – Гойко Митича (длинные волосы, острые скулы). Брачо же брал тем, что по памяти цитировал Бродского и Стендаля, Горина и Сэлинджера, Библию и Ленина. И хотя мамы были куда опытнее своих безголовых дочурок, в сексуальном плане нас манили именно вторые.

Когда воспитанные мальчики начинают замечать, что мир вокруг совсем не похож на тот, что знаком им по книжкам галантного века, что мытье рук после туалета, умение держать кишечные газы при себе в присутствии посторонних и обильный культурный багаж, который они прут на себе, вовсе не является залогом успеха у противоположного пола, внутри них что-то ломается. Пружина, державшая животное под контролем, лопается, и из приличных мальчиков начинает лезть всяческая мерзость и непотребство. Мальчики отхаркивают себе под ноги всю свою воспитанность, чтобы заполнить освободившиеся от нее легкие цинизмом и злобой. Мальчики встают на путь пошлости и инстинктов, оставляя воспитанность в качестве дополнительного арсенала, на передний план выдвигая нигилизм.

Стендаль меняется на сайты интернет-сволоты, высокопарные стихи изящных поэтов – на рифмы трешеров от рэпа, а абонемент в библиотеку – на спортзал.

Наши пути с ним были разные, но определенное сходство все же было. Он провел свою юность в военном училище, а я в тусовке неформалов. Судьба увела его в казармы от дурных компаний, меня же с точностью до наоборот – в дурную компанию, подальше от казарм.

Тренировка закончилась, и теперь в зале стоял запах мужского пота, куража и дерматина. Разгоряченные румяные тела стягивали с себя насквозь мокрые футболки, от стены к стене летало эхо тридцати мужских глоток, добродушного смеха, расстегивающихся сумок. Я без сил сел на скамейку и прислонился к стене – сегодня по вине Брачо тренировка была выматывающей. Сначала он не шел на построение, увлекательно рассказывая кому-то, насколько модно сейчас у богемы отбеливание ануса. За это тренер заставил всю группу отжиматься перед

разминкой. Во время разминки Брачо взбрело в голову поговорить со мной – как результат, после разминки мы на пару отжимались дополнительно. Когда пришло время работы в партере, Брачо не нашел ничего лучше, как вскочить верхом на партнера и, хлопая того по лягам, кричать: «Кто твой папочка, сучка?». Стоит ли говорить, чем вся группа заплатила за выходку Брачо, когда в зале поднялся смех.

Я присосался к клапану бутылки с водой, но не успел я сделать и пары глотков, Брачо вырвал у меня бутылку со словами: «Я тоже хочу пить».

Я в сердцах со всей силы зарядил ему по жопе, назвав падлой. Он же в ответ брызнул в меня из моей же бутылки, за что выхватил пендаль уже от тренера:

– Все никак не уймешься, варвар? – спросил тренер.

Тренер представлял собой тот тип мужчин, глядя в свинцовые глаза которых, хотелось инстинктивно упасть на спину, задергать ногами и описаться. Во взгляде жил зверь, с которым не хотелось встречаться никогда в жизни. При всем этом он был очень приятным в общении, вежливым и внимательным.

Рукопашка, секцию которой мы посещали дважды в неделю, имела весьма интересную историю. Называлась она крав-мага и брала свое начало из еврейского гетто в Словакии. В начале прошлого века, когда быть евреем было особенно не модно, юноши, жившие в этом самом гетто, немного устали от постоянных набегов на родные улицы крепких блондинов, которые под бодрый «Зиг хайль!» громили все, что попадалось им под руку. Тогда один из молодых людей придумал совместить техники различных боевых искусств, чтобы в кратчайшие сроки обучить своих ровесников основам самообороны. Впоследствии, когда евреи обзавелись собственным государством, тот юноша стал преподавать крав-магу в вооруженных силах. Уже к концу века система распространилась за пределы святой земли, а в начале нулевых пустила ростки и у нас. Вот так додики со скрипочками променяли смычки на ножи. Знакомо, не правда ли?

Но вовсе не зов крови и не романтическая легенда привела нас с Брачо в зал. Нам просто подходило время и место занятий, да и тренер располагал к тому, чтобы заниматься у него. Несмотря на то, что от него на расстоянии пяти метров веяло опасностью, в нем чувствовалось то, что называется офицерской честью. А порядочность и уверенность в том, что на человека можно положиться – это в наши дни дорого стоит, знаете ли.

После душа мы оделись, сложили форму и снарягу в сумки и, попрощавшись с тренером и ребятами, пошли к метро.

– Чего ты сегодня как с цепи сорвался? – спросил я у Брачо.

Тот шел рядом, румяный и пышущий жаром, и невинно улыбался, будто не по его вине я сейчас вымотался до потери сознания.

– Да просто так, надо было дать выход.

– Жениться тебе надо, барин!

Брачо в ответ скорчил рожу и заржал. В этой дебильной ужимке, между прочим, было больше смысла, чем в куче слов, которые произносятся людьми ежедневно.

– А что бы почитать, Андрэ? – резко съехал с темы Брачо.

– Я бы ответил тебе, не будь ты моим книжным дилером.

– Не, ну то, что ты быдло – понятно. Вдруг, думал, удивишь меня...

– Брачо, даже если я что-то и прочитал, наверняка, ты это уже давно успел забыть. Читаю я медленно и обстоятельно. Это ты книги глотаешь, как баклан. Странно, что ты еще умудряешься запоминать цитаты.

– Мозг, мой дорогой друг, – Брачо постучал пальцем по лбу, – его с детства развивать надо. Ух, ты! – Брачо увидел палатку с чебуреками. – Ты хочешь чебурек?

– Нет. Чебурек я не хочу. Я пить хочу – ты выпил мою воду.

– Во-первых, ты слишком мелочен. Во-вторых, ты обязан попробовать здесь чебуреки. Они полностью сломают тебе парадигму.

– Если ты о том, что я завтра не слезу с горшка...

– Нет, дурак ты, человек. Я о том, что это одни из лучших чебуреков в городе!

И все же от чебуреков, как, впрочем, и от деконструкции парадигмы я отказался. Брачо купил себе сразу два чебурека, которые с невероятной прытью съел. Я купил бутылку минеральной воды, которую с упоением выпил почти в одиночку. В конце своей трапезы Брачо ловким движением извлек из кармана упаковку влажных салфеток и начисто вытер жирные руки и лицо.

– Смотрю, ты запасливый, – заметил ему я.

– А то. Слушай, а не устроить ли нам с тобой рейд по книжным магазинам?

Я посмотрел на часы – было начало десятого.

– А не поздновато ли?

– Так на Тверской магазин до ночи работает. Поехали.

И мы рванули. По пути в метро рядом с нами стояла девушка. В одной руке сумочка – стандартный женский вариант, килограммов десять – в другой – книжка. Дочитав страницу, девушка оказалась в очень забавном положении: она хотела перевернуть страницу, но той же рукой, в которой была книжка, она этого сделать не могла, а во второй она держала свой элегантный баул – готов поклясться, что наши спортивные сумки были легче.

Брачо смотрел на нее с плохо скрываемой нежностью. И в самом деле, что за прелесть – белое личико, чуть вздернутый носик в редких веснушках, большие глаза и, подумать только, читает. Читает книжку, а не очередной глянец, где на страницу связного текста приходится семь страниц рекламного мусора. Понаблюдав за ее мучениями секунд десять для приличия – девушка то дула на страницу, то взмахивала рукой в попытках перевернуть ее, – Брачо медленным королевским жестом протянул к ней руку и перелистнул злосчастную страничку. Девушка подняла на него глаза, он благосклонно кивнул ей, она улыбнулась такой застенчивой улыбкой, будто той у нее было совсем чуть-чуть и она боялась растратить остатки понапрасну, и, покраснев, отвела глаза.

– Андрэ, ты видишь это чудо или мне это все снится?

– Не будь высокопарен, тебе не идет.

Девушка вышла. Брачо тоскливо посмотрел ей вслед.

– Эх, надо было телефон спросить. Уж больно хороша, – подвел он итог встречи.

В магазине, несмотря на поздний час, было многолюдно. Мы не спеша ходили по отделам, обсуждая книги, авторов, тенденции в литературе. Взяв с полки книгу одного современного автора, мы заспорили об определении подвига. Я придерживался мнения, что подвиг – это нечто с автоматом в руке, на передовой, в грязи и пыли. Брачо же утверждал, что подвиг – это оставить все это позади и строить семью так, будто не было у тебя ни автомата, ни грязи, ни передовой.

Так мы и стояли, наводя ужас на продавцов, два осволотившихся интеллигента, с разбитыми кулаками, спортивными сумками и высокими идеалами.

Изгоняющий дьявола

Утром, приехав в офис, я обнаружил начальника с аварийным лицом, который, матеря кого-то, то забегал в офис, то выбегал на улицу, где стояли представители аварийной службы водоканала (или как там эта организация называется), милиции (тогда еще) и скорой.

Как оказалось, ночью к охраннику нашего бизнес-центра – угрюмому усачу, который по странной привычке спрашивал пропуска только у сотрудников фирм, базирующихся здесь, при этом регулярно пропускал внутрь торговцев бижутерией, книгами и пылесосами – явился не кто-нибудь, а сам дьявол.

Князь мира сего показал охраннику длинный нос, нецензурно обозвал и проник внутрь здания, не показав пропуск. А поскольку пылесоса у дьявола не было, охранник понял, что он должен всенепременно остановить произвол потусторонних сил на вверенном ему объекте. Сорвав с себя одежду (это было необходимо для операции захвата), охранник пустился бегать по этажам.

Дьявол дразнил охранника на лестничных пролетах, в коридорах, разнузданно устраивал гонки на лифте. Охранник неотступно преследовал нарушителя и (это важно) обидчика. Пользуясь взнезменной силой, бес проникал сквозь запертые двери, что вынуждало охранника выламывать их, прятался в шкафах и письменных столах между документов, откуда его неоднократно пытался выудить голый страж.

Под конец лукавый явил всю свою гнилую сущность – он вероломно вступил в сговор с водоканалом (или как там эта организация называется) и залез в смеситель в туалете. Охранник воспринял это как плевок в лицо и посрыл все смесители. После чего незамедлительно уснул прямо на полу в туалете, где бахчисарайским фонтаном истекали трубы, лишённые кранов. Так его, в позе эмбриона среди бурных вод, и нашел сменщик, который и вызывал все необходимые службы.

И теперь охранник с чувством выполненного долга выл внутри кареты скорой помощи и бился головой о стенки. В руках участкового милиционера бился Леха и полужалобно, полубезумно выл:

– Пустите меня к нему, я помогу ему биться головой! Ы-ы-ы-ы, тварь, весь офис мне изгадил! Алкаш позорный, на работе, сука, до белки допился!

К стоянке подъехал японский джип, откуда выскочил, чуть ли не в исподнем, коренастый растрепанный дядечка и, несмотря на плотное телосложение, резвым аллюром умчался внутрь здания. Оттуда он вылетел через две минуты еще в большей ажитации, чем Леха, у которого приступ ярости сменился всепоглощающей апатией. Дядечка кидался то к монтажникам аварийной, то к милиционерам, то пытался оторвать дверь газели с красным крестом, внутри которой бушевал наш «мракоборец».

– Я ему... Я ему... – суетился дядечка, – я ему такого экзорциста устрою, у него голова будет на 360 поворачиваться.

Тут он издал тот звук, который мгновенно породнил его в моих глазах и с Лехой, и с безымянным вахтером-инквизитором:

– Ы-ы-ы-ы-ы-ы-ы, – взвыл дядечка и погрузнел...

Он подошел к Лехе, о чем-то негромко поговорил с ним, после чего сходил в машину, вернулся с пачкой сигарет и, присев на бордюр, закурил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.